

М. Лукашев

КНИГА 5.

САМБО НА СЛУЖБЕ РОДИНЫ

САМБО для НКВД: синтез, изменивший всё.

О том, как идеи Спиридонова и Ощепкова объединились в «Курсе самозащиты без оружия» для школы НКВД. В книге также описан эксперимент Градополова по адаптации бокса для руколашного боя. Книга повествует об истории формирования основ САМБО в СССР.

САМБО

Михаил Лукашев

Самбо на службе Родине

«Автор»

2025

Лукашев М. Н.

Самбо на службе Родине / М. Н. Лукашев — «Автор», 2025

Эта книга — захватывающее продолжение исторического цикла Михаила Лукашева о рождении советского Самбо. В центре повествования — Виктор Павлович Волков, ученик сразу двух великих мастеров: Василия Ощепкова и Виктора Спиридонова. Человек удивительной судьбы, он стал автором секретного руководства для школ НКВД, объединив боевой опыт чекистов, милиционеров и спортсменов. Перед читателем разворачивается драма, в которой переплелись наука боя, служебный долг и тени сталинских лет. Михаилу Лукашеву удаётся вернуть из забвения имена тех, кто создавал прикладное Самбо, рискуя жизнью, а иногда, и самой памятью о себе. Это история мужества, интеллекта и внутренней честности. «Самбо на службе Родине» — книга для тех, кто ищет в прошлом живой нерв времени и хочет понять, как из пота и крови родилось искусство, ставшее национальной гордостью.

© Лукашев М. Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1 Ученик двух учителей	5
Глава 2 «НПРБ-38»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Лукашев

Самбо на службе Родине

Глава 1 Ученик двух учителей

Впервые я встретился с В.П. Волковым (1910-1979 гг.), как это ни странно, в венерическом диспансере, что на набережной Горького. Не следует, однако, думать, что мы нуждались в помощи этого медицинского учреждения. Просто Виктор Павлович являлся главным врачом диспансера, и мне удалось отыскать его именно по месту работы. Жил он неподалеку – на противоположном берегу Москвы-реки в высотном доме на Котельнической. Дом этот в начале пятидесятых заселялся по большому выбору, и жили там «руководящие товарищи», большие ученые, известные писатели, популярные артисты, прославленные спортсмены. Но из пропагандистско-идеологических соображений в эту элиту были все-таки вкраплены и простые смертные. Похоже, что мой собеседник относился именно к таким жильцам.

Военврач В.П. Волков

Когда в 1963-м я впервые увидел его, это был немолодой, высокого роста тяжеловес, уже заметно начавший полнеть. А как он выглядел в молодые годы, можно увидеть на нескольких иллюстрациях в его книге. Боюсь, правда, что сегодня, к сожалению, уже никто, кроме меня, не сможет сказать, на каких именно фотографиях запечатлен автор: те, кто знал это, уже успели покинуть этот мир... Виктор Павлович не страдал авторскими амбициями и выбрал себе не самую выигрышную роль «второго номера», на котором партнер демонстрирует приемы, вошедшие в раздел «Переводы». В книге это рис. 232-237.

В демонстрации приемов для своей книги Волков предпочитал оставаться «вторым номером»

В последующие годы я не раз встречал его на территории Яузской больницы, где размещалась наша районная поликлиника, в которую он перешел на ту же должность главврача. Поликлиника тоже находилась неподалеку от его дома.

Свое первое высшее образование Волков получил в Московском институте физической культуры. Человек практичный, он ухитрялся в дополнение к стипендии неплохо подрабатывать в парке, который уже тогда многословно и квазизначительно именовался Центральным парком культуры и отдыха, но еще не успел удостоиться имени пролетарского писателя. Работал «массовиком», организуя «культурный отдых трудящихся масс»: проводил групповые игры, разучивал песни и народные танцы с посетителями парка. Относился ко всему этому откровенно иронически и острил: «Два притопа, три хлопка получите «петуха»». То есть «пятерку», полчервонца, который имел тогда высокую покупательную способность. Это было неплохой добавкой к его тощему студенческому бюджету.

Уже на последних курсах Виктору посчастливилось познакомиться с дзюдо под руководством только что пришедшего в институт Василия Сергеевича Ощепкова. В 1932 году выпускник Московского инфизкульта как «молодой специалист» был «распределен» в Баку для работы в Закавказском институте физкультуры. Преподавал дзюдо и по совместительству занятия еще и в местном «Динамо». Именно там, год спустя, Волков встретил своего второго учителя – Виктора Афанасьевича Спиридонова, приехавшего для проведения курсов по самбо для сотрудников правоохранительных органов. В строй его учеников, конечно же, не преминул встать и Виктор. Много лет спустя он написал: «Так я приобщился к этой умной системе борьбы – Самбо. Мне она понравилась своим существом, так как отражала боевой смысл чекистской и милицейской работы. Основой этой борьбы была система мастерского владения руками, разработка умного оперативного «подхода» к решению практических мероприятий по задержанию и конвоированию преступного элемента. Кроме того, эта система очень хорошо воспитывает у спортсмена-сотрудника комбинационный характер проделывания приемов – переход с одного на другой».

Вероятно, Виктор Афанасьевич особо выделил своего тезку из числа бакинских курсантов. И в 1935 году Волков уже был переведен в Москву для преподавания на Всесоюзных милицейских курсах, где Спиридонов развернул большую работу по подготовке новых кадров инструкторов самбо. А затем Виктор перешел на инструкторскую работу в пятый районный совет спортобщества «Динамо».

Первые состязания по боевому самбо по специальным правилам Спиридонов начал проводить еще в двадцатые годы. Эту традицию активно продолжил Волков вместе с лучшим из старейших учеников Виктора Афанасьевича Давыдовым, который имел уже собственные публикации по самбо. Они договорились устроить встречу команд пятого и первого райсоветов «Динамо» – в последнем преподавал Давыдов. Первое из этих состязаний состоялось в начале 1936 года в здании динамовского спортзала на Цветном бульваре. Проходили они по восьми весовым категориям. Боролись десять минут, если ранее этого времени не удавалось провести чистый бросок или болевой прием. Неведение борьбы строго наказывалось: виновный снимался с соревнований, а инструктору, тренировавшему его, выносилось официальное замечание. Виктор Павлович не без гордости вспоминал, что победили его ученики с внушительным счетом 6:2. Подобные встречи практиковались и в дальнейшем.

Имея почти десятилетний опыт преподавания в школах милиции и динамовских спортивных секциях, Виктор написал руководство по боевому самбо. Его капитальный, более чем пятисотстраничный труд «Курс самозащиты без оружия «Самбо». Учебное пособие для школ

НКВД» был издан в 1940 году под грифом «Только для сотрудников НКВД». Казалось бы, это важное событие могло только порадовать автора, но неожиданно оно повлекло угрожающие последствия, поставив его на грань немалой опасности...

Однако, прежде чем поведать эту невеселую историю, мне придется сделать небольшое отступление, без которого было бы трудновато понять последующий рассказ.

Я уже говорил, что Спиридонов и Ощепков находились в состоянии «холодной войны». Каждый из них нипочем не желал заметить, а уж тем более, признать и использовать достижения своего оппонента. Это так и не позволило им понять, что в действительности оба они

отлично дополняли один другого. Но если ближайшие ученики обоих мэтров активно участвовали в конфронтации, то тех, кто использовал приемы рукопашного боя в своей опасной, чисто практической работе, мало волновала эта «война богов». Едва ли зная мудрый античный афоризм, они поступали в точном с ним соответствии: «Беру хорошее там, где его нахожу». Им в оперативной работе была необходима как спиридоновская, так и ощепковская наука.

В моей библиотеке есть уникальная брошюра. Точнее то, что от нее сохранилось после активного долголетнего использования. Она уже успела утратить не только обложку, но и титульный лист, так что определить ее название невозможно. Несколько старомодное полиграфическое оформление с элементами стиля модерн начала века позволяет утверждать, что издана она где-то в провинции – на местах особенно не хватало тогда специальной литературы. Судя по ее содержанию, напечатана по ведомственному заказу, адресована местным правоохранительным органам и вышла в свет не ранее 1934 года. Брошюра имеет явную, сугубо практическую направленность. Ее неизвестный составитель без какой-либо ссылки на источники заимствования объединил основные описания техники из книги Спиридонова 1927 года с ощепковскими приемами, приведенными в сборнике инфизкульты 1934 года. Одни из спиридоновских фотоиллюстраций довольно скверно пересняты, другие – перерисованы и тоже очень неумело. С ощепковскими рисованными иллюстрациями обстоит лучше. Классификация сборного материала весьма относительна, терминология не упорядочена, не приведена к «общему знаменателю». Так, один и тот же прием в спиридоновской части именуется «рычаг», а в ощепковской – точно так же, как и в первоисточнике – «гяку». Составительские дополнения немногочисленны, но именно они позволяют сказать, что составитель знает о рукопашном бое не понаслышке. Если кто-либо знаком с этим или иными малоизвестными изданиями, буду весьма благодарен за сообщение и не останусь в долгу.

Не думаю, что Виктор мог видеть эту брошюрку, но он пошел именно по такому же пути, хотя сделал это куда как квалифицированнее и успешнее. Он понимал насущную необходимость объединения ценного наследия двух своих учителей. И у него хватило смелости не только опубликовать почти все, что успел напечатать «враг народа» Ощепков, но и изложить это в едином контексте с наработками его непримиримого противника – Спиридонова. Волков не мог не понимать, что это не понравится последнему, но, конечно же, не предполагал той реакции, которая последовала.

Спиридонова уже вынудили уволиться из «Динамо», где он проработал более полутора десятилетий, создавая самбо. Отстранили от дела всей его жизни. У него была уже готова или почти готова рукопись очередной собственной книги, и публикацию своего ученика он воспринял не только как предательство, но и как откровенный плагиат. Смертельно разобиженный старик, который, вероятно, все еще продолжал преподавать в «органах», подал официальную жалобу наверх. Обвинение было очень серьезным. При всех своих иезуитских повадках, НКВД строго соблюдало бытовую чистоту в своих рядах. Недаром даже диссидент академик Сахаров утверждал, что это был единственный советский орган, где никогда не существовало взяточничества. Естественно, что для рассмотрения жалобы была создана специальная комиссия...

Обо всех этих неприятных событиях еще никто и никогда не писал. Так что, я снова был вынужден первым распутывать и этот болезненный клубок оскорбленного самолюбия, мстительных ударов из-за угла и хитреньких корыстных маневров.

В архиве сохранилась стенограмма заседания комиссии, проходившего в помещении стадиона «Динамо». Кроме того, мне рассказывали об этом присутствовавшие там А.А. Харлампиев и его ученик – двукратный чемпион СССР А.А. Будзинский.

Для Волкова наступили тревожные дни. Со скорым на расправу НКВД шутки были плохи и, если признали бы виновным, ему было несдобровать. Будзинский вспоминал, как, направляясь вместе с ними к «Динамо», Виктор просил не подводить его под монастырь. Тем более что Харлампиев, выступавший в определенной степени в качестве эксперта, еще до заседа-

ния отзывался о книге отрицательно. Спиридоновскую технику и методику, которую заимствовал Волков, он вообще не признавал: «Такие приемы нельзя сделать!» Утверждал, что объем руководства, не без корысти, сильно завышен. О приведенных в книге анатомо-физиологических основах самбо говорил, как о, якобы, просто переписанном школьном учебнике по анатомии профессора Кабанова. В тесной связи с этими беспощадно критическими суждениями в харлампиевской библиотеке появился тогда экземпляр засекреченного руководства для школ НКВД с покаянно-заискивающей дарственной надписью автора: «Хорошему человеку и отличному тренеру Анатолию Аркадьевичу Харлампиеву. Хотя эта книга во многом несовершенна, но она двигает мысль вперед».

Едва ли книги с грифом «Только для сотрудников НКВД» слишком щедро выдавались авторам. И я боюсь, что тогда Виктору пришлось расстаться со своим единственным авторским экземпляром. Во всяком случае, он мне говорил, что этой своей книги не имеет.

Уже одного вышесказанного вполне достаточно, чтобы понять страхи бедного автора, но имелось еще кое-что и поопаснее. Как я уже говорил, он использовал в книге материалы Ощепкова, а ведь именно этого человека имел в виду «Красный спорт», когда писал, что развитию борьбы в одежде намеренно мешали ныне разоблаченные «враги народа». К тому же в руководстве можно было отыскать не только фотографии автора, но еще и изображение его первого «неприкасаемого» учителя! Хотя Василий Сергеевич уже давно скончался, жило не только его дело, но, прямо-таки символически жил и его контурный облик на страницах работы ученика. Ощепков в своих неизменных крагах без труда угадывался на рисунках, которые вместе с текстом Виктор перенес из журнала «Физкультура и социалистическое строительство» и сборника материалов института физкультуры.

И по всем канонам тех кровавых лет было вполне достаточно с «гневной» патетикой заметить, что автор злонамеренно «протащил» (как тогда говорили) на страницы чекистского учебника «умело замаскированное изображение «врага народа»», чтобы судьба Волкова оказалась решенной. Для того чтобы понять, чем реально грозило такое вздорное обвинение, нужно было жить в то время. Современным поколениям трудно понять подобный психоз, но мне он хорошо запомнился. Зачумленные тотальной шпиономанией сверхбдительные обыватели даже в очертаниях красного знамени на спичечных этикетках «распознавали» враждебные контуры нацистского орла, а на гимназических пуговицах Володи Ульянова в наших учебниках «обнаруживали» микроскопические свастики. Утверждают, что даже сам «великий и мудрый вождь» не раз обошел вокруг известной мухинской скульптуры, проверяя, действительно ли в складках развевающегося шарфа колхозницы сокрыт зловредный профиль его смертного врага – «Иудушки Троцкого».

К счастью, пойти на подобную провокацию даже донельзя разгневанному Спиридонову и в голову не пришло, да и не могло прийти. Разве мог старый русский офицер, даже в ответ на, как он думал, предательство ученика, пойти на такую грязную подлость?!

Между тем, по распоряжению замнаркома внутренних дел Круглова уже была создана специальная «Комиссия по разбору вопроса, связанного с обвинением т. Спиридоновым В. автора книги «Курс самозащиты без оружия «Самбо»» т. Волкова в плагиате». Членами комиссии были назначены весьма заметные должностные лица: заместитель начальника оборонно-спортивного отдела Центрального совета спортобщества «Динамо» К.Ф. Морарь; его сотрудник капитан НКВД Ф. Жамков; от Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД – Муратов; начальник Центральной школы милиции и председатель Всесоюзной секции вольной борьбы А. Рубанчик; представлявшие Московский городской совет «Динамо» А. Пронин и Волчихин и от VIII районного совета «Динамо» – А. Маслов. В составе этого ареопага ответственных лиц странно неуместными выглядели только два его члена: А. Будзинский и А. Харлампиев. Присутствие там двукратного чемпиона Советского Союза и не очень высокопоставленного работника оборонно-спортивного отдела «Динамо» А. Будзинского нетрудно

было объяснить его чисто техническими функциями: участием в сравнительной демонстрации «спиридоновских» и «волковских» приемов. А вот присутствие преподавателя из «Крыльев советов» – Харлампиева, казалось бы, никакого отношения не имевшего ни к «Динамо», ни к «НКВД», было не совсем понятно...

О том, как проходили заседания комиссии, мне рассказали и Харлампиев, и Будзинский. Кроме того, удалось ознакомиться и с официальным протоколом комиссии. Стараясь быть активным, изложу все имеющиеся в моем распоряжении версии, начав с харлампиевской.

Анатолий Аркадьевич рассказал мне, а затем и написал в своих посмертных, но так и не опубликованных мемуарах, что его кандидатуру на президиуме совета «Динамо» выдвинул непосредственно сам Круглов: «Комиссия будет состоять из ответственных лиц. Председатель – Круглов... Меня усадили за стол президиума. Ровно в одиннадцать в комнату вошел замнаркома и сопровождавшие его лица.

–Все готовы? – обратился он к Жамкову.

–Так точно! Разрешите представить докладчика? Мастер спорта по борьбе вольного стиля, сотрудник Центрального научно-исследовательского института физической культуры (? – М.Л.), ответственный секретарь Всесоюзной секции борьбы вольного стиля Анатолий Харлампиев. Круглов пожал мне руку:

–Очень приятно, мы ведь как-то встречались в МЛШ (Международная ленинская школа – М.Л.), приходил туда с Николаем Ильичом Подвойским... От вас, товарищ Харлампиев, ждем не только анализа по поводу плагиата, но и общей оценки существующей подготовки чекистов по самбо» (подчеркнуто мной – М.Л.) .

Ничуть не смутившись ни объемом, ни заведомой секретностью внезапно поставленной перед ним задачи «сотрудник ЦНИИФКА» (на самом деле – аспирант-заочник) на пяти страницах рукописи своих мемуаров в пух и прах «раздраконил» и Спиридонова, и Волкова, заявив, что в самбо чекисты – вообще ни в зуб ногой! Спиридонова обвинял в том, что тот использовал в самбо приемы только иностранных систем и патетически вопрошал: «А где же воспитание советского патриотизма? 18 лет я изучаю национальные виды борьбы народов, населяющих нашу Родину, и могу утверждать: нет таких зарубежных приемов, которые отсутствовали бы в объединенном отечественном опыте! Можно, разумеется, использовать и заграничный опыт, но не рекламировать буржуазные виды спорта» (подчеркнуто мной – М.Л.)!»

Затем, демонстрируя глубину своей чисто научной эрудиции молодой «ученый», до конца жизни так и не овладевший ни одним иностранным языком, тем не менее, даже совершил небольшой экскурс с область лингвистики: «Кстати, что нам дадут брошюры по джиуджицу? Уже само название показывает отсутствие научного подхода: во-первых, в японском языке отсутствует буква «ж», а система дзюу-дзюцу еще в 1882 году самими японцами заменена на лучшую, модернизированную – дзюудо. Японцы, как ненужную, выбросили в Европу дзюу-дзюцу, а ловкачи перевели затем с французского на русский вот откуда этот хлам...»

На этом глубоко научный подход оратора к экспертизе, извините, через букву «ж», был блистательно завершен. И надо думать, что буквально ни один член «высокой комиссии» не знал, что в японском нет не только буквы «ж», но и вообще никаких иных букв: сплошные иероглифы да значки слоговой азбуки! А «антинаучный» звук «дж» коварно подбросили в слово «джиу-джитсу» вовсе не французы, а англичане. Французы же произносят: «жиу-житсу».

К сожалению, всю «живую прелесть» этого яркого эпизода, начиная с «братания» с замнаркомом, начисто отрицал Будзинский, утверждая, что Круглов вообще на заседаниях не присутствовал. То же самое безжалостно подтверждает и протокол.

Естественно, что в протоколе не было, да и не могло быть отмечено такое приятное и почетное рукопожатие замнаркома и даже столь лестные для автора воспоминаний начальственные слова. Этот канцелярски-сухой документ прямо говорит, что «зам» на заседаниях не присутствовал и никак не мог пожалть какую бы то ни было часть тела докладчика.

Строго придерживаясь буквы этого официального документа, приходится сказать, что вообще два первых заседания комиссии, назначавшиеся на 30 сентября и 3 октября, не состоялись из-за неявки Спиридонова. Когда же он не явился и на третье заседание – 8 октября, было решено начать слушание в его отсутствие, хотя два члена комиссии Пронин и Муратов также отсутствовали.

После того, как «тов. Жамков говорит о задачах, поставленных Зам. Наркома тов. Кругловым», он предлагает избрать председателем Комиссии «тов. Рубанчика А.», который и был единогласно избран.

Председатель просит «товарища Волкова» дать ответ по существу выдвинутых против него обвинений, так как кроме вопроса о плагиате в повестке дня заседания довольно странно «прорезался» вдруг и вопрос «о проработке книги т. Волкова В.». А «проработка» на официальном политическом жаргоне тех лет означала публичную разгромную критику с крайне неприятными последствиями.

Виктор Волков хорошо знал законы этой не очень честной игры, в которой непременно следует «покаяться», признавая свои ошибки и правоту критиков. Считалось, что тот, кто во всеуслышание признал и покаялся в своих «грехах», тот «грешить» больше не будет! И первые же слова Волкова – о том, что «в книге есть недостатки, снижающие ее качество... Книга имеет много погрешностей... Я допустил ошибки...». Но не забывает он упомянуть и о том, что «книга имеет ряд ценностей».

Обвинения в плагиате он решительно и вполне резонно отвергал. Плагиат – это присвоение авторства, в данном случае, на чужой печатный труд. А Виктор не только не претендовал на авторство каких-то работ Спиридонова, но и прямо назвал его «основателем советской системы «Самбо»». Что же касается приемов, то Виктор Афанасьевич тоже не сам их разработал, а «пользовался трудами других авторов». Спиридоновская методика, описанная в его книге 1933 года, требовала серьезной доработки, что им, Волковым, и было сделано. Критика Спиридонова в его адрес необъективна.

Самостраховка при падениях у Спиридонова отсутствовала, но когда Рубанчик задал, казалось бы, безобидный вопрос: «Где вы взяли материалы по кульбитам и кувыркам»? – Волков предпочел солгать: «Этот материал я взял частично из книги т. Спиридонова». Откровенность здесь грозила обернуться бедой: материал был ощепковский, а частью заимствован из руководства, изданного в японской колонии – Корее...

И вот ведь какая странность: самым крупным специалистом в чисто юридическом вопросе плагиата оказался Анатолий Харлампиев. Правда, это не помешало ему перепутать плагиат с превышением установленных процентных ограничений в праве цитировать в своей работе иных авторов! Однако «высокое собрание» оказалось неспособным это понять.

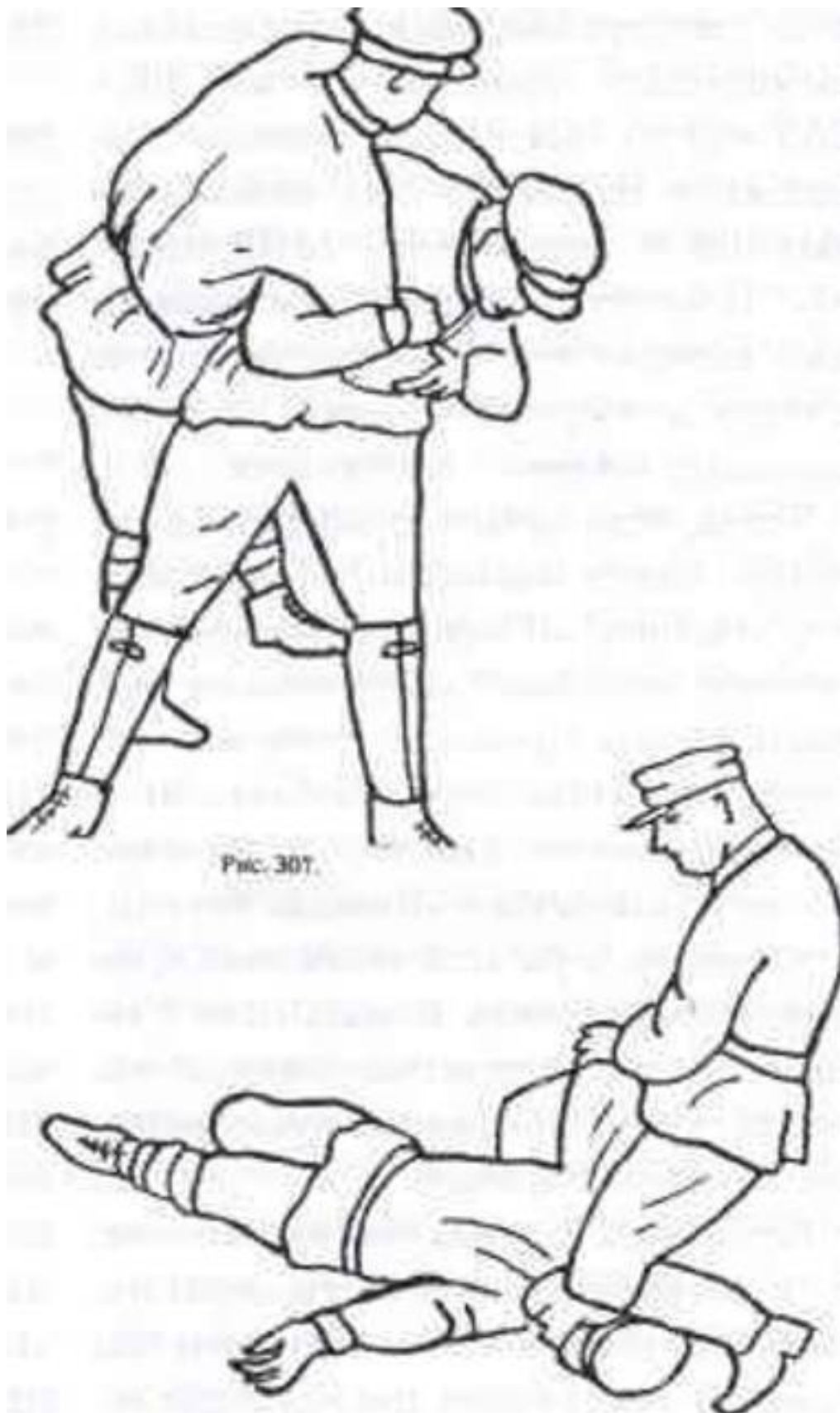
Хотя Анатолий заявил, что о волковском тексте сказать ничего не может, «так как не имел времени сличить текст», он, ничуть не смущаясь этим, начал уличать «подсудимого» автора в плагиате, перечисляя иллюстрации, взятые им из чужих изданий. При этом сразу же выяснилось, что недобросовестный «плагиатор» «обокрал» старину доктора Мартина Фогта и известного фехтовальщика Ю.К. Мордовина, поместив в своей книге 5 иллюстраций из их работ «без ссылки на автора» (!). Но это были всего лишь «цветочки».

Виктор был отнюдь не трусливым человеком, и все же нетрудно догадаться, что холодный пот выступил у него на лбу, когда Харлампиев громогласно заявил, что в своем «Курсе самозащиты...» тот использовал рисунки из материалов Ощепкова. И что было особенно угрожающе непонятным, Анатолий, перечисляя бесконечные номера иллюстраций и страницы, всякий раз говорил не просто «Ощепков», а «товарищ Ощепков»!!!

И вот, представьте себе: призрак кровавых репрессий продолжает висеть в воздухе, за столом – сплошное НКВД, и нет таких, кто бы не знал, что еще три года назад Василий Сергеевич был арестован и сгинул. Что товарищ ему – только лишь «серый брянский волк»! Но все

вполне спокойно сидят с серьезными лицами, а Рубанчик один раз даже сам сказал «товарищ Ощепков». Все это выглядело чудовищно-инквизиторской провокацией, но похолодевший от нависшей угрозы Виктор, вслед за своими «судьями», был вынужден каждый раз повторять опасно криминальные слова «товарищ Ощепков». А тут еще совсем разошедшийся Харлампиев оглушил его явно провокационным обвинением в том, что, используя чужой материал, «он ни разу не сослался на автора этих материалов товарища Ощепкова» (подчеркнуто мной – М.Л.).

Иллюстрации из работы Ощепкова, помещенные в книге Волкова.

Обхват сзади снизу под руки. «Захватывает правую руку нападающего своей левой рукой сверху за запястье или за локоть, а правой рукой обхватывает ту же руку

выше локтя. Делает рывок за захваченную руку при помощи своего корпуса влево вниз через правую ногу.

Разумеется, перед таким верхом лицемерия кого угодно проймет «цыганский пот»! Виктору оставалось всего лишь обреченно ждать, чем же закончится это жестокое сюрреалистическое представление...

Харлампиев откровенно признавался, что они, ученики Ощепкова, были резко настроены против Виктора Афанасьевича Спиридонова и стремились сурово наказать его. Всю его работу вполне искренне считали нестоящей, да к тому же, хотя и совершенно ошибочно, подозревали в ложном доносе на своего безвинно репрессированного учителя. А Волкова, при всей конфликтной ситуации, считали «спиридоновцем» – представителем школы Виктора Афанасьевича – и давили на него, как могли, устроив эту беспощадную нечистую игру, подобную псовой охоте на заведомо обреченного зайца...

Было бы несправедливо умолчать о том, как расценил подобное поведение своего отца Александр Харлампиев в упомянутой мною книге: «Необходимо напомнить, что «Динамо» было структурным подразделением Комиссариата внутренних дел (НКВД – М.Л.)... Работа комиссии совпала по времени с третьей годовщиной со дня трагического ухода из жизни В. Ощепкова. Все члены комиссии были его учениками, но только один Анатолий Харлампиев, судя по стенограмме, несколько десятков раз упомянул фамилию Учителя (!!! М.Л.) и друга своего отца. В стенах подразделения НКВД это был весьма рискованный и смелый (??? – М.Л.) поступок». Пояснить читателю, чем именно было вызвано это словоизвержение из десятков повторений «имени Учителя», Александр, конечно, постеснялся.

Что ж, если забыть о неприглядном стоворе членов комиссии, их, так сказать, «маленьком междусобойчике», то поступок Анатолия – действительно верх отваги. Нельзя, однако не отметить, что в том же 1940-м году, опубликовав в «Красном спорте» хвалебную рецензию на книгу Галковского «Вольная борьба», он почему-то, при всей своей отваге, не потребовал от автора назвать «имя Учителя» там, где Галковский говорил, что именно дзюдо положило начало развитию «вольной борьбы».

Вероятно, Харлампиев-сын считает, что, повторив несколько десятков раз фамилию «Учителя» в 1940-м году, отец был вправе на протяжении последующих сорока лет называть его всего лишь один раз, да и то в контексте своей книги «Борьба самбо» в 1964 году...

Анатолии, действительно, прямо-таки упивался своей властью над «подсудимым» конкурентом и в двадцати одном пункте не поленился назвать более сотни номеров страниц и расположенных на них иллюстраций, всякий раз добывая несчастного автора магическими словами «товарищ Ощепков»...

Не забыл Харлампиев укорить Волкова и тем, что тот сослался на книгу Ознобишина «Искусство рукопашного боя», которая «вскоре после выхода в свет была изъята». На большевистском «новоязе» это означало: запрещена и отобрана у библиотек и книжных магазинов (В решении «высокой» энкаведистской комиссии этот факт был подтвержден!).

На одно из следующих заседаний, наконец, явился и Виктор Афанасьевич. И хотя перед комиссией была поставлена задача только решения вопроса о плагиате, ее члены, выйдя за пределы своей компетенции, начали яростно обличать недостатки системы Спиридонова.

В процессе полемики с ним, как утверждал Харлампиев, он предложил чисто практически разрешить теоретический вопрос о качестве спиридоновских приемов.

«Круглов улыбнулся:

– Отличное предложение...»

И грянул бой! Харлампиевско-спиридоновский бой!!!

Об этом, правда, несколько по-разному, рассказали Харлампиев и Будзинский. Анатолий Аркадьевич, как всегда, очень образно и не без некоторой фантазии живописал: «Открылась

дверь, и входит громила из Тюремного управления, а Спиридонов указывает на меня и приказывает ему, как собаке: «Взять его! Взять его!» А я спокойно протягиваю тому расслабленную правую руку. Он сейчас же захватил ее и провел перегибание локтя через предплечье. Но я успел слегка повернуть руку внутрь и напрячь ее. Спрашиваю верзилу: «Крепко держите?» А потом наружным краем правой стопы нажимаю в его левое колено, выдергиваю свою руку и толкаю его в плечо так, что он во весь свой рост растянулся на полу. Спиридонов засуетился: «Товарищ Харлампиев – не только ученый (?!! – М.Л.), но и мастер спорта СССР. Для задержания таких людей мы направляем не одного, а двух сотрудников».

И теперь уже двое «из Тюремного управления» взяли по-прежнему не сопротивлявшегося Анатолия: один – на тот же «милицейский» рычаг локтя, второй – загнул руку за спину. Но, как, вероятно, вы уже догадались, Харлампиев и здесь не сплеховал. Не только с легкостью освободился, но одного из нападавших (совсем, как в старом цирковом чемпионате при «шике») даже бросил спиной прямо на стол комиссии!

Этот же лихой рассказ спустя несколько лет я прочитал и в рукописи посмертных мемуаров Анатолия Аркадьевича, которые пытался опубликовать его сын Александр. Будзинский, правда, не только не подтвердил все эти колоритнейшие детали, но и начисто опроверг их. Говорил, что просто они сами демонстрировали комиссии описанные в книге приемы, как бы наглядно иллюстрируя их. А никакого «Тюремного управления» не было и в помине.

Наивно надеясь на тщательную и беспристрастную судебную процедуру, Виктор Афанасьевич даже привел с собой приятеля-юриста с не очень благозвучной фамилией «Шестеркин», рассчитывая на его помощь. Того не хотели допускать на закрытое заседание, и Спиридонову пришлось сказать, что, якобы, он – соавтор Спиридонова, написавший раздел ударов. Однако же юристу так и не пришлось блеснуть профессиональным мастерством. Судилище приобрело совсем не тот характер, на который рассчитывал Спиридонов.

Среди главных членов «высокого суда» Спиридонов видел старого ученика Ощепкова капитана НКВД Жамкова, который только что выжил его из «Динамо», где он не только проработал со дня основания, но и являлся одним из учредителей этого спортивного общества еще в 1923 году. И, в конце концов, Виктор Афанасьевич понял, что доказать что-либо уважаемой комиссии просто-напросто невозможно. Потому что окончательное решение уже было принято еще до начала заседания. И вконец расстроенный старый самбист махнул на все рукой и даже равнодушно согласился, что все, что он успел сделать за два десятилетия упорного труда, просто никуда не годится...

Все обильные замечания комиссии об ошибках, неточностях и недоработках в книгах Волкова и Спиридонова я перечислять не буду, но о двух из них не могу не сказать.

Всего два года назад на пресловутой конференции 1938 года было достаточно уверенно и громогласно заявлено о создании «советской борьбы вольного стиля» на основе техники национальных видов борьбы народов СССР, в том числе, конечно, и грузинской. А вот теперь те же самые высокие должностные лица, критикуя Волкова, в закрытом протоколе уже не стеснялись говорить откровенно: «Комиссия считает установленным:

1)...выводы по сравнению грузинской борьбы с вольной борьбой преждевременны, так как этот вывод сделан не на основе проверенных материалов, а является лишь личным мнением автора (Волков, разумеется, как и все остальные, не мог не подогнать свое «личное» мнение под обязательную официальную точку зрения – М.Л.).

2)Трактовка автора, «что самбо создана на базе народных видов борьбы», является неверной, так как в книге ни одного приема из народных видов борьбы нет».

В «Общих выводах», представленных комиссией Круглову, обвинение в плагиате с Волкова снималось. Но о его работе говорилось, как о компиляции, которая страдает недоработкой, а частично совершенно неверна. «Книга, как учебное пособие, рекомендована быть не

может, но может служить сборником материалов для инструкторов самозащиты, умеющих критически разбираться в вопросах техники выполнения приемов.

Характеризуя авторов сличаемых учебников, Комиссия устанавливает, что автор тов. Волков, несмотря на допущенные ошибки, является передовым работником по самозащите, идущим по правильному пути самокритики и прислушивающимся к мнению специалистов, в то время, как авторы т.т. Спиридонов и Шестеркин являются малограмотными работниками в области самозащиты и физкультуры в целом, не идут в ногу с развитием самозащиты, стараясь возвести в идеал выпущенные ими в 1925 -1933 гг. трудах».

Похоже, что с такой уничтожающей оценкой согласны были далеко не все. Большинство было против. Из 9 членов комиссии «Общие выводы» подписали лишь четверо: Рубанчик, Жамков, Харлампиев и подведомственный Будзинский. Маслов, которому вместе с Будзинским поручалось сверить тексты книг Волкова и Спиридонова, и для подписи которого было даже специально оставлено место, «Общих выводов» тоже не подписал...

Официально перед комиссией стоял только вопрос об обвинении в плагиате, но поскольку Харлампиев сумел в пух и прах раскритиковать труды не только «обвиняемого», но и «обвинителя», ему даже недовольно заметили: «Ну, что же, по-вашему, и то плохо, и это плохо? А чем же тогда пользоваться нужно?» Но и здесь Анатолий не дал маху: достал и положил на стол комиссии свою собственную, предусмотрительно захваченную сорокачасовую программу обучения (конечно же, составленную по ощепковским рецептам!). И труды его не пропали даром, щедро окупилась. Не без удовольствия вспоминал он, что за программу «отвалили» немалые по тем временам деньги – целых 500 рублей. Да еще поручили провести для динамовцев учебный сбор! Правда, прийти на работу в штат «Динамо» ему удалось только лишь шесть лет спустя. А тогда уже вплотную надвинулся грозный «сорок первый, сорок памятный год».

Война сурово востребовала боевое самбистское мастерство, и Виктор стал преподавать бойцам спецназа тех лет, которых забрасывали в немецкие тылы и именовали партизанами. А потом и сам отправился вместе с ними на опасные боевые задания. В автобиографии он упоминает об этих героических свершениях немногословно и с достойной скромностью: «В 1941 году была организована широкая подготовка по Самбо в Московской партизанской школе, где большое число моих боевых товарищей было подготовлено к сложнейшей партизанской войне в тылу фашистов. Вскоре я и сам ушел в тыл к фашистам. Так, созданная в «Динамо» борьба Самбо сыграла большую роль в борьбе с врагами нашей отчизны».

И это именно Волков рассказал мне, что Спиридонов преподавал самбо спецподразделениям в Туле, на переднем крае обороны того времени, и скончался прямо на самбистском ковре. Все это было правдой, кроме обстоятельств кончины его учителя. Сам Виктор был тогда на фронте, точнее за линией фронта, и получил не совсем точную информацию от знакомых. Не могу не отметить, что о своем старом наставнике он, отдавая должное его работе, говорил очень уважительно и без какой-либо тени обиды на злосчастную жалобу...

А после войны Волков навсегда отошел от самбо. Работал врачом, так как его второе высшее образование было медицинским, да плюс к этому – ученая степень кандидата наук и звание доцента.

Однако, вопреки жесткой харлампиевской критике, волковская книга широко использовалась при подготовке лиц определенных боевых специальностей, в первую очередь – чекистов и не только в школах НКВД. Е.М. Чумаков сообщил мне также, что по ней проводилась предвоенная подготовка погранвойск, подведомственных тогда НКВД. Действительно, один из русских рукопашников Риги показал мне экземпляр с довоенным штампом погранзаставы.

О «фундаментальном труде Волкова» пишет преподаватель Высшей школы КГБ – Академии ФСБ, кандидат педагогических наук, доцент В.С. Роднов: «По нашей оценке, данная работа В.П. Волкова сыграла важную роль в профессиональной подготовке кадров для системы НКВД в тот период, а ее переиздание в 1993 году... говорит об ее актуальности в настоящее

время». Вот так разительно отличаются объективные оценки специалистов от нарочитого охивания книги недобросовестно враждебной комиссией.

Интересно отметить, что объективную констатацию использования руководств Спиридонова и Волкова я нашел даже в совершенно неожиданном месте – в книге братьев Вайнеров «Эра милосердия», послужившей основой сценария нашумевшего фильма «Место встречи изменить нельзя». В одном из эпизодов книги, не вошедших в сценарий, говорится так:

«Полковник Китаин, зам-нач МУРа, ... велел нам срочно собираться:

–Ваша бригада первой будет проходить курс самбо...

–А шо це за фрухт, и с чем его едят? – спросил Пасюк.

–Новая система рукопашного боя, усмехнулся Китаин.

–О це дило! – обрадовался Пасюк. Мэни зараз без борьбы як без хлеба: сидим целые дни на одном месте, спим подолгу – уси косточки замлили. Самый раз размяться трошки, а то аппетиту не будэ...

...Группа выстроилась в спортивном зале «Динамо», куда нас отвез – большое ему спасибо – Копырин. В зале было холодно, сумрачно, пахло потом и лежалыми волосатыми матами. Инструктор, худощавый парень с постным лицом, переставил меня в конец шеренги – по росту, вслед за Тараскиным, – сказал сухо Грише, который вертелся вокруг с фотоаппаратом:

–Прошу вас не мешать занятиям. Потом повернулся к нам и как-то бесстрастно, глядя поверх наших голов, заговорил тусклым голосом, и мне казалось, что у него зубы болят:

–Моя фамилия Филимонов. Занятия будут проходить с вашей группой два раза в неделю. В связи с тем, что вас не предупредили, а также в связи с плохим отоплением сегодня будете заниматься в одежде. Впредь на занятия будете приходить в трусиках и тапочках...

–Я последние шитье лит только в солдатских невыразимых хожу, – сказал Пасюк в надежде, что его выгонят с занятий, и добавил для убедительности:

–В сиреневых...

–Инструктор не повернул головы:

– Отставить разговоры!

Я видел, как Пасюк смотрит на неширокие плечи инструктора, на его вытянутое серое лицо. Пасюк его явно жалел. И еще ему было смешно, что этот задохлик будет учить нас борьбе.

–Жеглов катал по спине толстые комья мускулов, стоял он против инструктора, чуть откинув голову, прищулив глаза. У него тоже инструктор не вызывал особого доверия.

–А Филимонов, все так же глядя по верх нас, сказал бесцветно и негромко:

–Я буду заниматься с вами изучением новой системы борьбы, которая разработана в нашей стране преподавателями физической культуры товарищами Спиридоновым и Волковым. Он морщил невысокий лоб под косой челкой, будто сразу не мог припомнить фамилии изобретателей новой борьбы.

–Эта система называется «самбо», что обозначает «самозащита без оружия»...

–Филимонов взял за руку Пасюка, вывел вперед, и они стояли перед нами лицом к лицу на матах; объясняя, инструктор не отпускал руки Пасюка, и выглядели они вместе так уморительно смешно, что нам даже спать расхотелось.

–Самбо – это система различных приемов борьбы с выводом из равновесия, она включает броски, рывки, удары, используемые в рукопашном и кулачном бою, и основана эта система на знании анатомии человеческого тела...

–Було бы в руках силенки, – сказал Пасюк. – Так и без анатомии можно...

Филимонов повернулся к нему:

–Ваша задача – свалить меня.

–Цэ можно, – сказал благодушно Пасюк и шагнул навстречу инструктору, протягивая вперед руки, чтобы ловчее ухватиться. Он успел даже зацепить его, а дальше случилось нечто несообразное: инструктор рванулся вперед, как лопнувшая пружина, дернул слегка Пасюка

к себе, как серпом секанул его по ногам, и тот с грохотом шмякнулся на мат. Инструктор отступил на шаг и замер неподвижно. Пасюк, кряхтя, поднялся:

–От бисов сын! Та не успел я...

–Правильно, – сказал Филимонов. Ваша задача научиться выполнять так приемы, чтобы ваш противник не успевал провести контрприем. Это называется передняя подсечка...

–Давай еще раз! – сказал Пасюк.

–Прошу на мат, – кивнул Филимонов. На этот раз Пасюк был настороже и сумел простоять секунды четыре: толчок назад, захват, бросок через бедро Пасюк на полу.

На Тараскина инструктор произвел такое впечатление, что Коля падал на мат еще до того, как с ним успевали провести прием. А Филимонов поднимал его и заставлял бороться снова, объясняя систему захвата:

–Передняя подсечка... рывок на себя... двойной нельсон... удар ребром ладони...

Жеглову инструктор дал картонный нож и велел нападать и каждый раз ловко отводил нож или вообще вышибал из руки, так что Жеглову и не довелось его хоть разик ткнуть картонным острием. Это разозлило Глеба, он неожиданно отступил на шаг и ловко кинул вращающуюся картонку прямо в грудь инструктора.

–«Это не по правилам», – сказал Филимонов.

–А мы с уголовниками договорились только по правилам драться? – спросил Жеглов и, удовлетворенный, отошел в сторону. Но я видел, что борьба эта ему понравилась.

–Вы чего в стороне стоите? – спросил меня Филимонов.

–С духом собираюсь...

–Идите на мат!

Я шагнул, и он сразу нырнул вперед, собираясь подцепить меня под коленом. Ну, мы это в разведке и без новой системы знаем. Наклонился я вперед, и, как только он уцепился, я ему сразу правую руку заблокировал. Он – за колено, а я ему руку выворачиваю, и рычаг у меня больше, ему-то наверняка большее. Тут ошибочку я сделал – надо было мне сразу направо заваливаться, держать его корпусом, отжимая руку. А я хотел его в стойке дожимать. Ну, и он не промах – нижний подсед мне толкает, кувырнулся я на спину, Филимонова – коленями через себя, да только размаху не хватило, или устал я после ночи, или натошак бороться труднее, но во всяком случае перевернулся инструктор через меня и одной ногой мою руку прижал, а другой – сгибом бедра и голени – душит меня, хрип из меня наружу. Наверное, сдался бы я Филимонову – это ведь не соревнования, и не бандит на меня напал, и не рыжий фельдфебель в черной форме танкиста из дивизии «Викинг», что спрыгнул на меня из подбитого грузовика на обочине дороги при въезде в маленький городок Люббенау... Но, задыхаясь в железном прихвате этого тщедушного Филимонова, я видел углом глаза, как ребята сгруппировались вокруг нас, а Тараскин просто брякнулся на пол, чтобы лучше видеть, и слышал я баритончик Жеглова где-то над собой, высоко:

–Володя, Володя-а, Воло-о-дя-я!

И Пасюк громыхал:

–Шарапов, дави його, вражину, нехай знае наших! Руки у меня сильнее, отжал я все-таки его ногу, и на излом пошло у него колено, и отпустил удавку Филимонов, распрямился в прыжке, вскочил на ноги и сразу же, не давая мне прийти в себя, рванул мне заднюю подсечку, но и я его держал уже поперек корпуса, так вместе и покатались, и еще довольно долго он вил из меня веревки, пока все-таки не заломал на «мельнице» – провернул вокруг себя и привел четко на спину...

Мы встали, запыхавшиеся, усталые, но оба довольные. Он за свое умение постоял, и я не переживал, что он меня заделал: он ведь как-никак – профессионал, инструктор. Филимонов похлопал меня по плечу, и следа не осталось от серой унылости его голоса:

–В разведке учили?

–Было дело, – усмехнулся я.

–Тебе надо заниматься – весной первенство «Динамо»...

Вот только этого мне не хватало! А ребята от души радовались. Филимонов оглядел нас и, опять посуровев, сказал:

–Прошу вас, товарищи, относиться к занятиям исключительно серьезно. То, чему вы здесь научитесь, однажды может спасти вам жизнь...».

При всем том, для лиц, которым она не была предназначена, книга Волкова до последних лет оставалась совершенно неизвестной. Достаточно сказать, что о ней не знали даже авторы статей и книг о рукопашном бое в НКВД. Столь надежно и плотно «закрывал» ее угрожающе строгий гриф. Так продолжалось вплоть до 1993 года, когда малое коллективное предприятие «Ассоциация Олимп», убрав из понятной предосторожности гриф с титульного листа, выпустило репринтное издание волковского руководства. К счастью, издатели-«олимпийцы» были отнюдь не жуликоватыми и невежественными коммерсантами из «новых русских», а отличными специалистами, мастерами спорта по самбо из подмосковного города Жуковского, где при их деятельном участии активно функционирует «Клуб боевого самбо». Начало положили А.Г. Жуков и В.А. Тихонов, решив издавать высококачественную литературу по рукопашному бою. Затем к ним присоединились В.В. Волостных, О.Л. Шмелев и С.Л. Викулин. В том же девяносто третьем году, помимо волковского руководства, «олимпийцы» выпустили в свет капитальную «Энциклопедию боевого самбо» в двух томах, где обнародовали практически весь технический арсенал и необходимые методические разработки. Книга стала внушительным подведением итогов многолетнего существования этой системы. И если мне удастся довести свое повествование до современности, я непременно посвящу один из очерков плодотворной работе этих Жуковских энтузиастов.

Восстановив из небытия прочно забытого Волкова, они сделали очень большое дело, и единственная претензия, которую можно им адресовать, это отсутствие хотя бы краткой биографии автора и комментария к его работе, который они, несомненно, могли бы выполнить на высоком уровне.

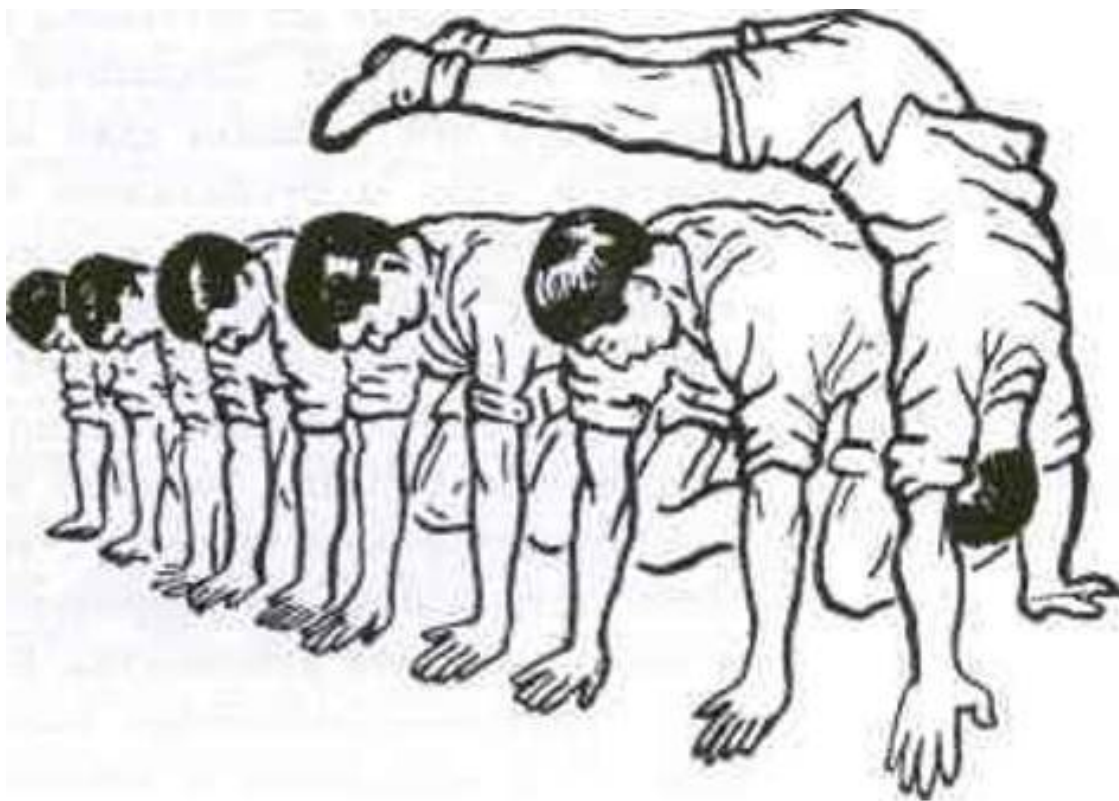
Так или иначе, но современное поколение ведущих специалистов самбо воздало должное своим несправедливо забытым предшественникам. Разумеется, я не мог не поговорить с издателями и не узнать их побудительные причины и мнение о переизданном руководстве полувекковой давности. Тем более что речь шла не о сомнительных самозванных сэнсэях, а о знающих и широко образованных людях. Здесь я дословно приведу ответ Владимира Тихонова, который отлично выразил мнение всех своих коллег: «Был государственный заказ, и Волков его блестяще выполнил. Но при этом сумел избежать обязательной в те годы политической направленности. Фундаментальная работа выполнена очень грамотно, имеет подлинно научный характер и энциклопедический охват темы. Автор по-настоящему грамотный профессионал. Он знает то, о чем пишет, понимает сущность поединка. Поражает сама стройность системы. А ведь это еще сороковой год, и неизвестно, что в действительности представляла в то время, например, столь разрекламированная сейчас система Уэсибы.

Предложенные Волковым правила состязаний разумно функциональны. Книга написана для людей, говорящих с ним на одном профессиональном языке и хорошо понимающих его. Количество подготовленных самбистов было тогда уже достаточно большим».

Говоря непосредственно о содержании книги, нельзя уйти от заковыристого вопроса о плагиате. Я уже сказал, что с чисто формальной стороны такое обвинение едва ли возможно. Однако все выглядело бы значительно корректнее, если бы автор прямо сказал, что использует не только классификацию Спиридонова, но и основы его техники и методики преподавания. (Понятно, что в отношении разработок его второго, уже репрессированного учителя подобные ссылки были вообще невозможны!)

Как мне сообщил А.А. Харлампиев, Виктор пользовался также корейским руководством по дзюдо. Заимствованные из него рисунки показывают технику исполнения кульбитов. И хотя вместо дзюдоги там пририсованы самбистские трусики и борцовки, кое-где нетрудно разглядеть монголоидные лица спортсменов.

Каскадный кульбит вперед через препятствие. Каскадный кульбит вперед через препятствие от двух и более человек.

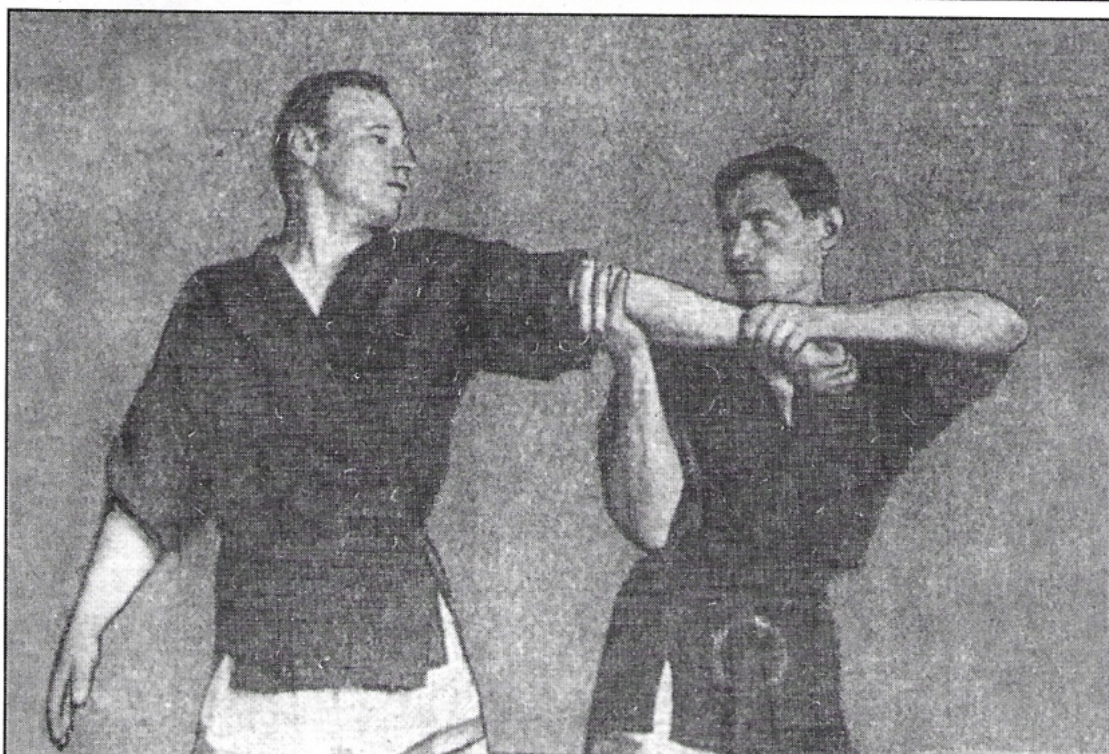
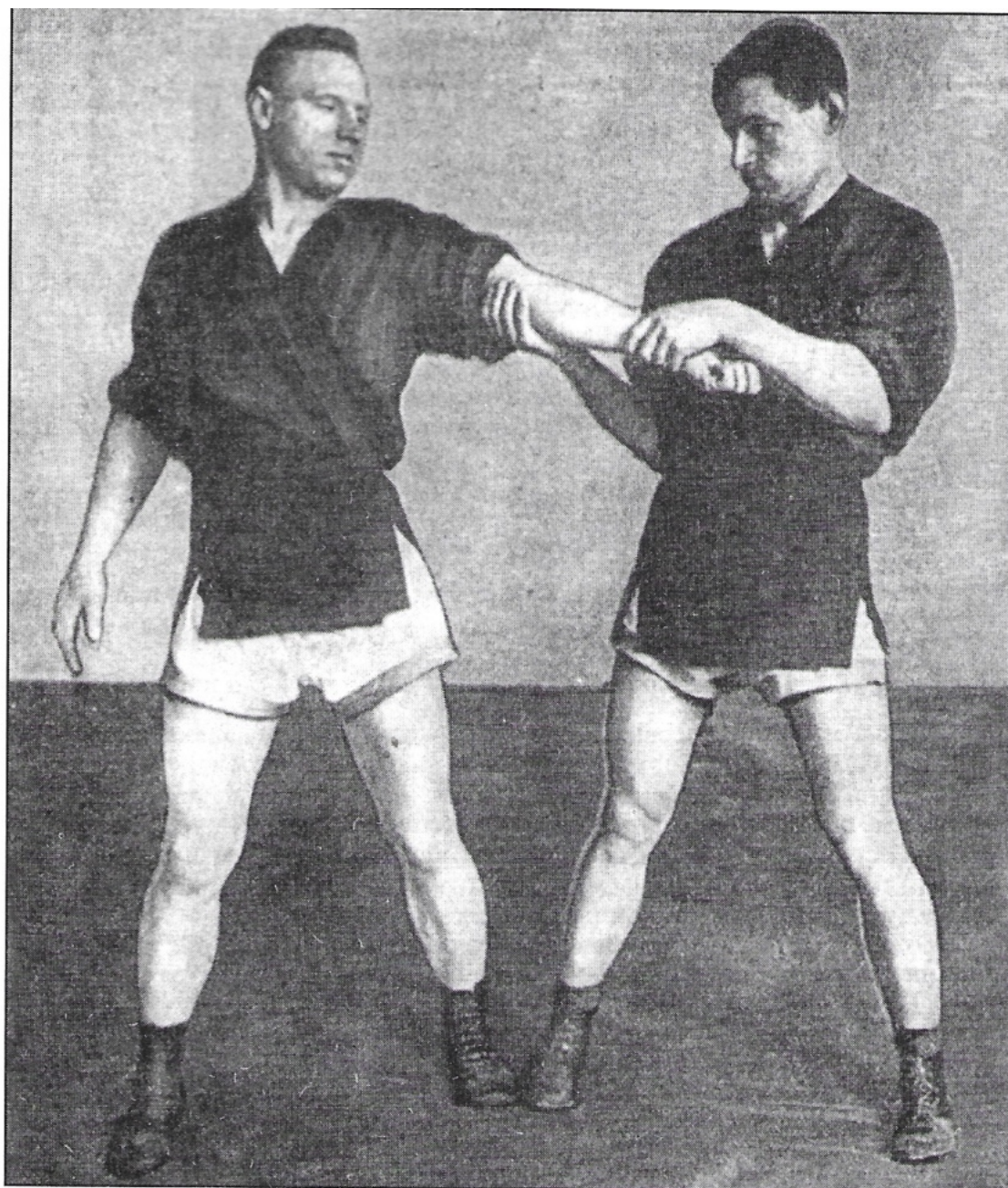
Судя по некоторым иллюстрациям, не исключена возможность использования и еще одного руководства, уже европейского.

В двух первых главах своего курса самозащиты Волков изложил «Теоретические и практические основы Самбо». В первой из них рассмотрены технико-тактические особенности, классификация и правовое обоснование использования самбо в служебной деятельности, а также приведен неплохой очерк истории самозащиты с заметным влиянием Н.Н. Ознобишина. Виктор Павлович человек интеллигентный – первым ввел в наш историко-спортивный обиход сведения о рукопашном бое, почерпнутые из произведений античных авторов – Лукиана, Светония. Говоря о практиковавшейся в СССР спортивной борьбе в одежде («борьбе вольного стиля»), он не считал нужным скрывать, что она «выросла на базе завезенной к нам японской системы Дзю-До». Но тут же, разумеется, приводит и обязательные в те годы рассуждения о роли и достоинствах наших национальных видов борьбы, особенно той, которая практиковалась на родине Сталина.

В «Практических основах» дана общефизическая подготовка, спиридоновские и ощепковские специальные подготовительные упражнения, включая страховку и само страховку.

Волков являлся достаточно квалифицированным специалистом для того, чтобы понимать: спиридоновская система, при всех своих несомненных достоинствах, уже устаревает, начинает отставать от современного уровня. Модернизируя ее, он вообще отказался от некоторых, не самых удачных приемов. Хотя болевые в стойке и партере, как и нажатия на чувствительные точки, почти все остались спиридоновские. А вот техника ударов и удушений претерпела значительно большую степень переработки. Что же касается особенно «замшелой» бросковой техники, которую явно недооценивал Виктор Афанасьевич, понимая ее как всего лишь подсобную, то вся она была переведена на ощепковские «рельсы».

Виктор, успевший проучиться у Василия Сергеевича всего лишь год, видел, как далеко успела шагнуть школа этого мастера за истекшее десятилетие. И особенно по сравнению со спиридоновской. Еще при жизни Василий Сергеевич устраивал встречи своих учеников со «спиридоновцами». О результатах подобных товарищеских состязаний их участник Будзинский написал так: «Динамовцы, привыкшие на тренировках все внимание концентрировать на захватах кистей рук, локтей с целью проведения болевого рычага, забывали о ногах, корпусе и необходимости сохранения равновесия – летели от того или иного броска, вставали – опять бросок.

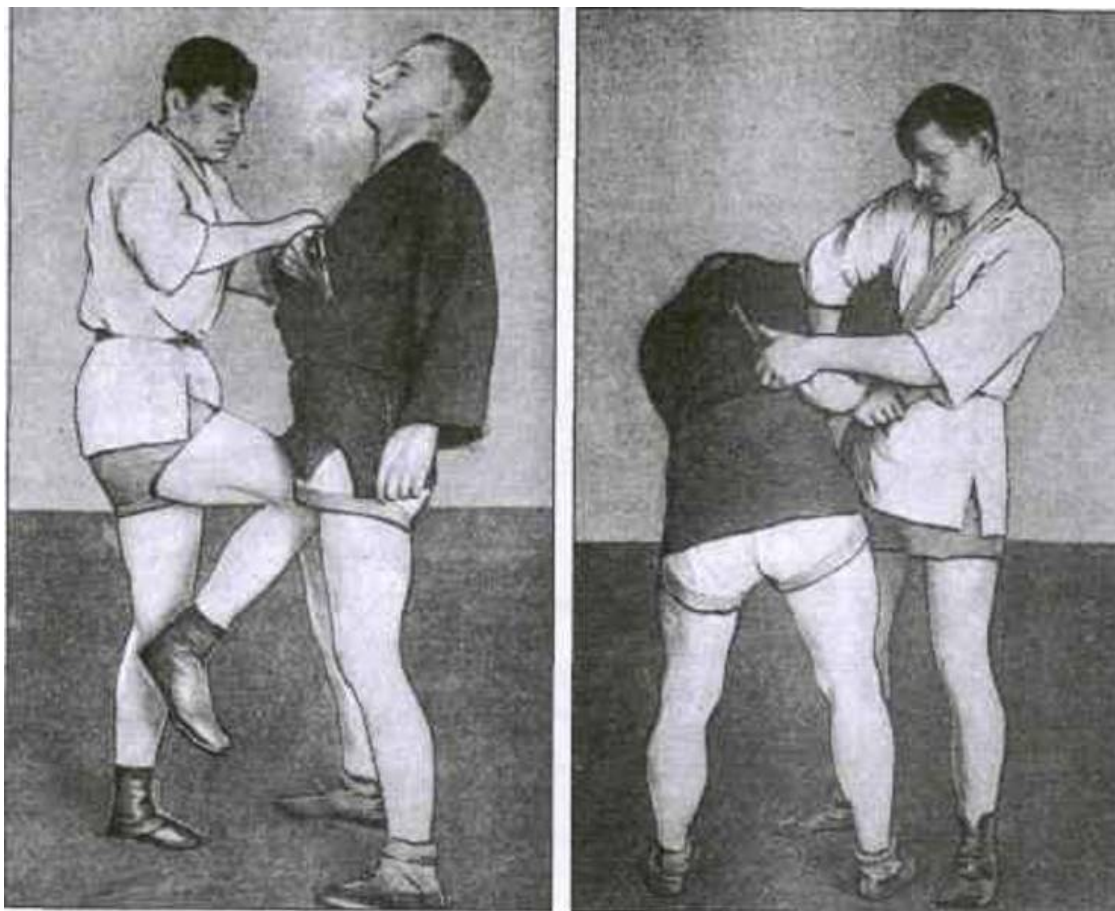
Рычаг вверх на ладони

При борьбе лежа наше преимущество тоже было явным... Мы использовали технику, тактику и прочие детали борьбы, которым учил В.С. Ощепков своих учеников...

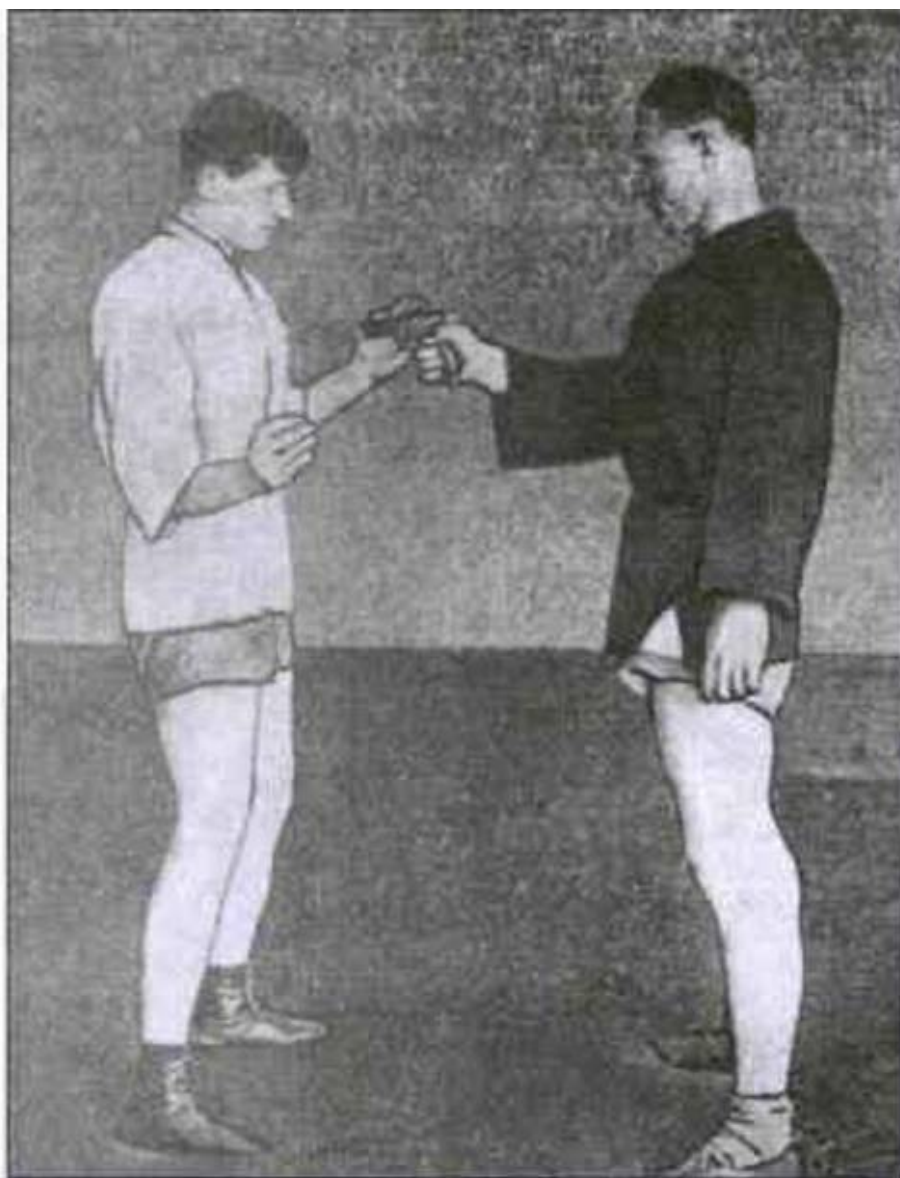
И хотя Волков понимал, что это не очень обрадует Виктора Афанасьевича, он ходил в «Крылья Советов» не только для устройства матчей с соперниками, но и внимательно присматривался к технике бросков на занятиях, которые вел там тогда один из наиболее продвинувшихся учеников Ощепкова – Харлампиев. Анатолий Аркадьевич рассказал, что Виктор даже вел при этом подробные записи.

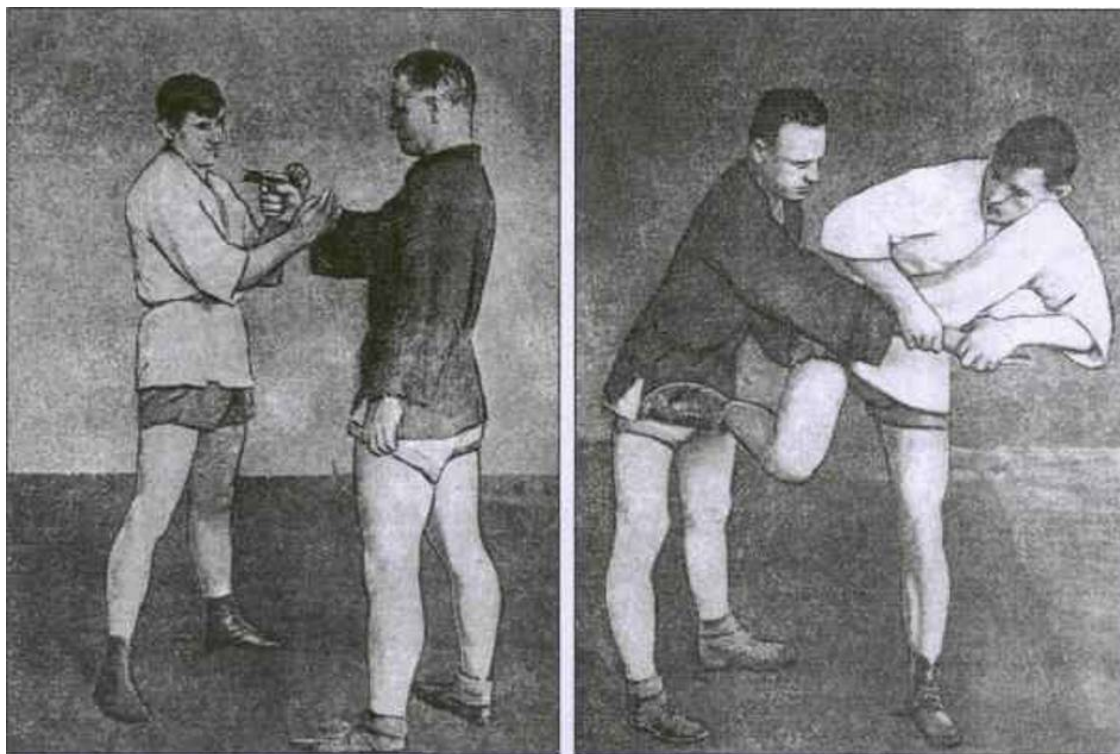
Структурно волковское учебное пособие очень близко к последней спиридоновской книге. Но вот, если просмотреть, например, главу, носящую то же, что и у Спиридонова, название «Захваты и ответные приемы», то окажется, что «наполнение» ее практически полностью ощепковское. Вместе с тем, вообще впервые в нашей практике Виктор Павлович дает главу «Приемы специального назначения». А в ней вполне разумно выделяет в особые разделы методику обучения, тактику и технику обезоруживания при нападении с холодным, портативным огнестрельным оружием, штыком, большой и малой лопатой и др. У Спиридонова таких приемов, не всегда к тому же надежных, было очень мало, и преподносились они без особого выделения – в единой массе с болевыми.

К сороковому году почти вся Европа уже успела перейти от револьвера к автоматическому пистолету. Да и у нас, кроме традиционного нагана, тоже поступили на вооружение используемый до сих пор отличный пистолет Токарева, короткоствольный пистолет Коровина. Несмотря на это, буквально во всех наших руководствах описывались только лишь действия против револьвера и, как правило, с захватом за его ствол. Но если бы даже захват за ствол пистолета оказался возможным, он мог нести угрозу повреждения пальцев обезоруживающего при случайном выстреле во время проведения приема. Ведь у ряда систем пистолетов кожух ствола составляет одно целое с затвором. И Волкову первым довелось предусмотреть и возможность нападения с пистолетом, в том числе и короткоствольным. Для этих случаев он предлагал выбивание пистолета одновременным скрестным ударом обеих рук в пясть и запястье; отбив вооруженной руки с ее захватом и ударом кулаком свободной руки в пясть с последующим дожимом кисти и другое. Всего описано одиннадцать обезоруживаний, как против пистолета, так и против револьвера, из них пять – при попытке обнажить оружие.

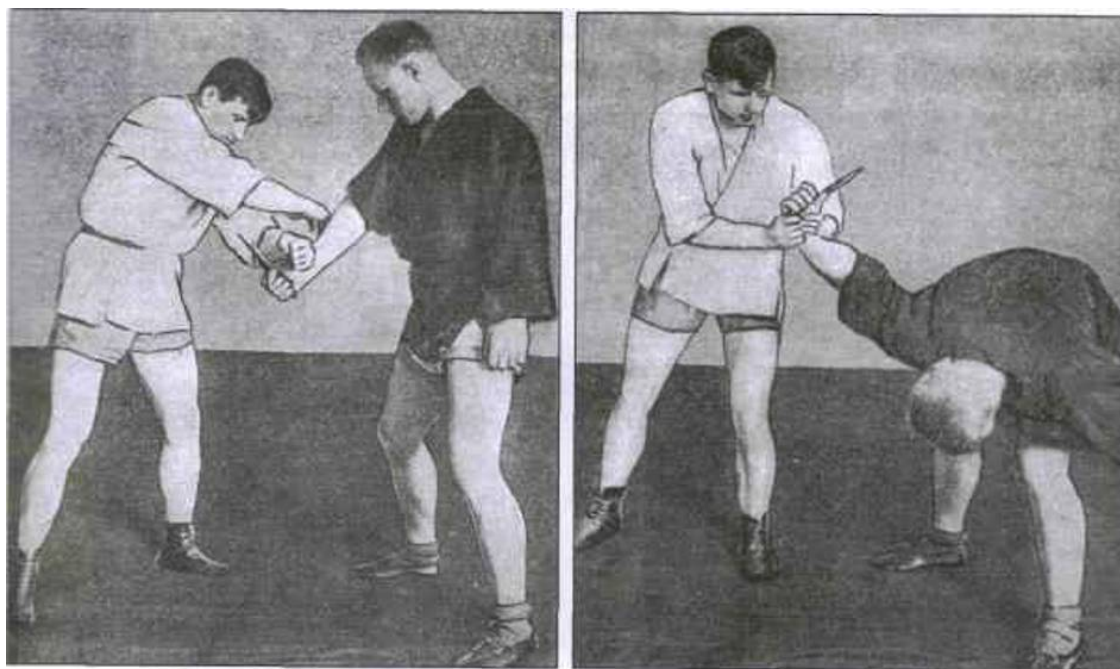
Обезоруживание при попытке достать револьвер

Выбивание пистолета одновременным скрестным ударом обеих рук в пясть и запястье.

Среди защит от ударов ножом сверху, сбоку и снизу, кроме традиционных обезоруживающих, приведены и новые, такие, как скрестный захват от удара снизу и загиб за спину с дожимом кисти.

Обратный выверт с дожимом кисти» при защите от удара ножом снизу

Особой популярности эти новации, похоже, так и не получили. Вместе с ними была опубликована наглядная схема возможных секторов поражения в зависимости от способов держания противником ножа с указанием приемов обезоруживания для каждого сектора. Однако вызывает сомнения, что именно эти, всего лишь три приема (с одним несущественным вариантом), способны обеспечить безопасность при любом направлении удара.

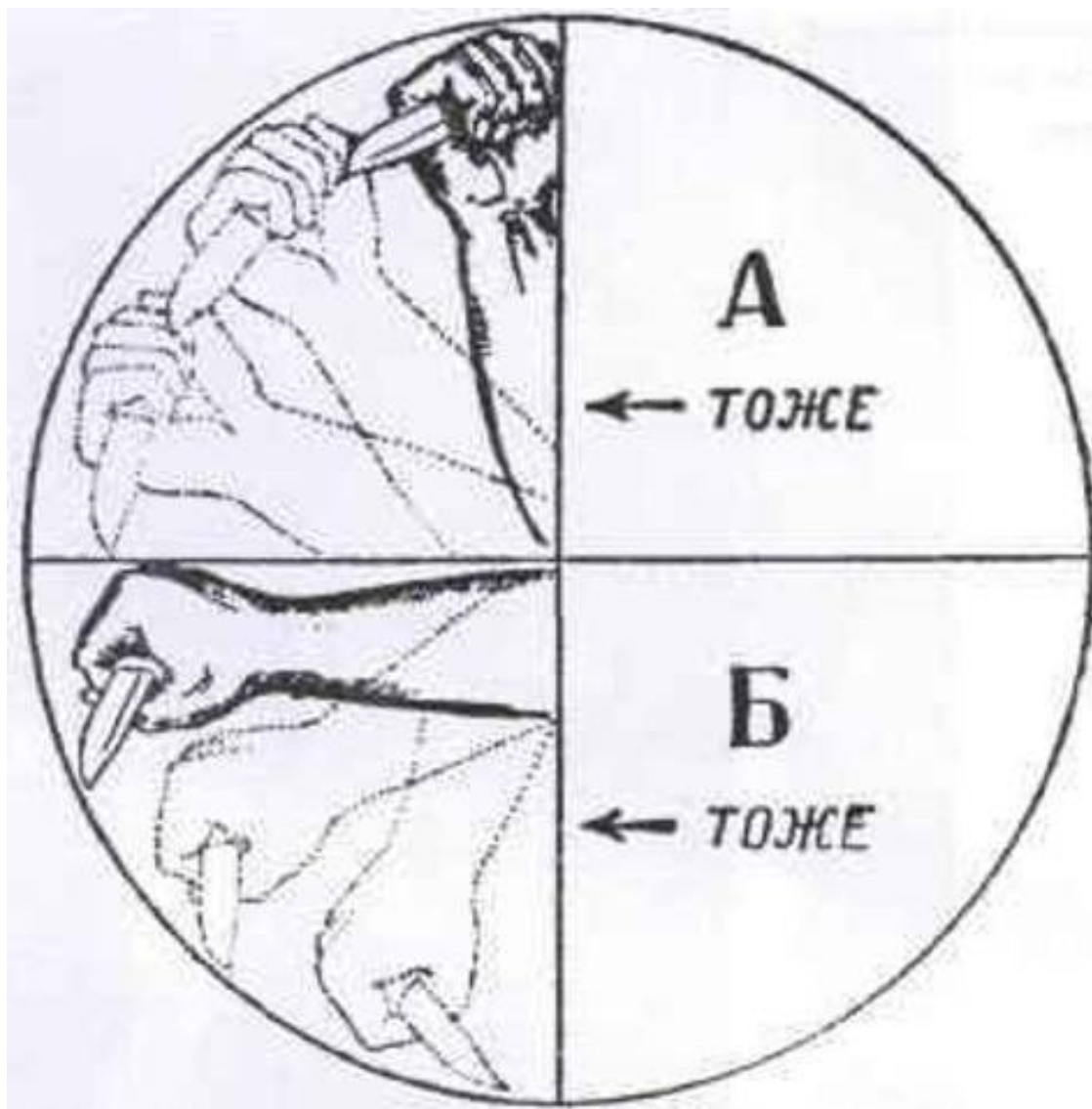
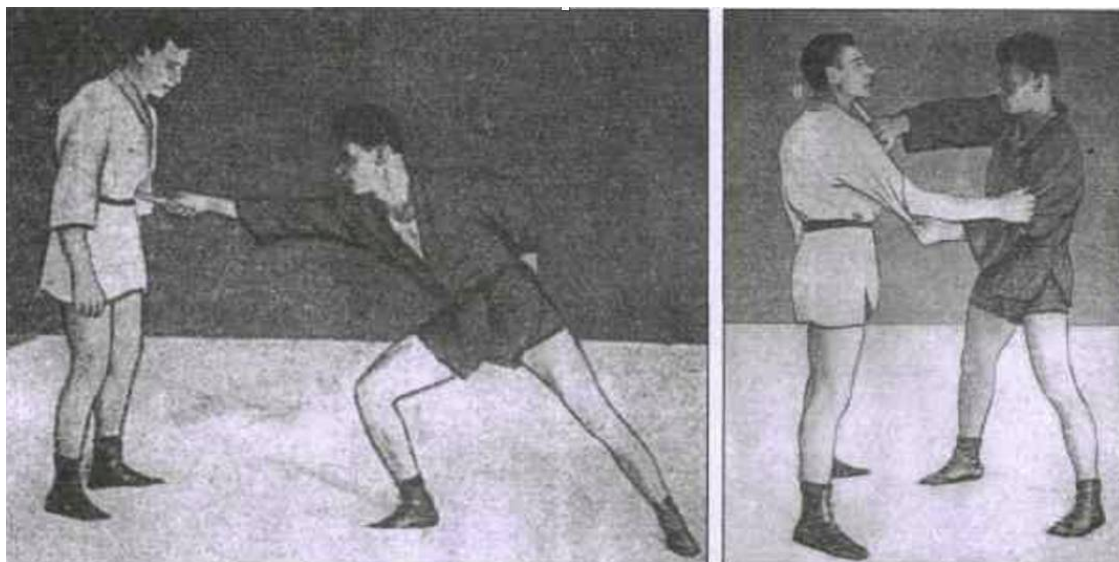

Схема возможных секторов поражения в зависимости от способов держания противником ножа

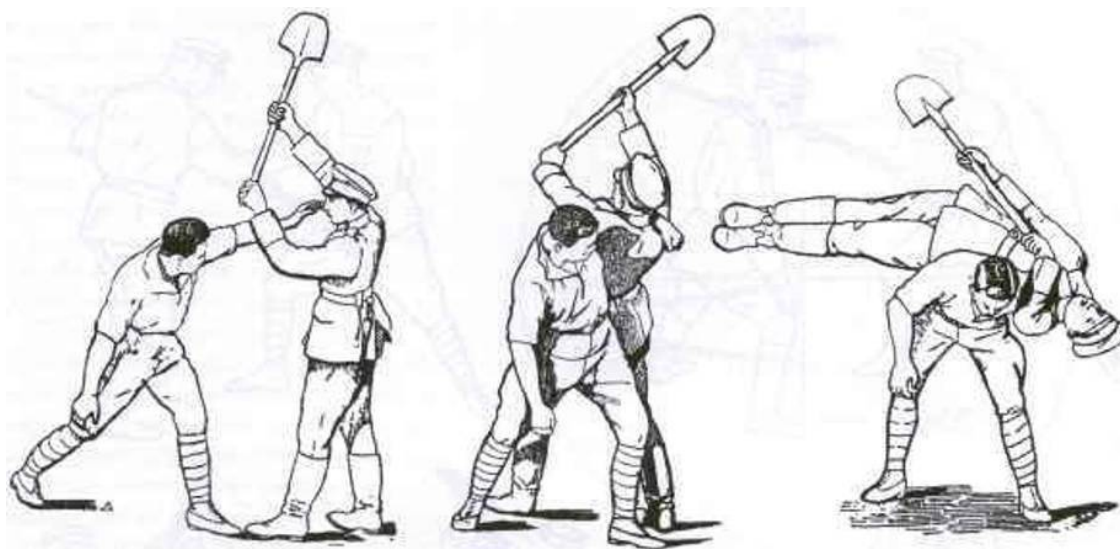

Удар прямой длинный и удар изнутри

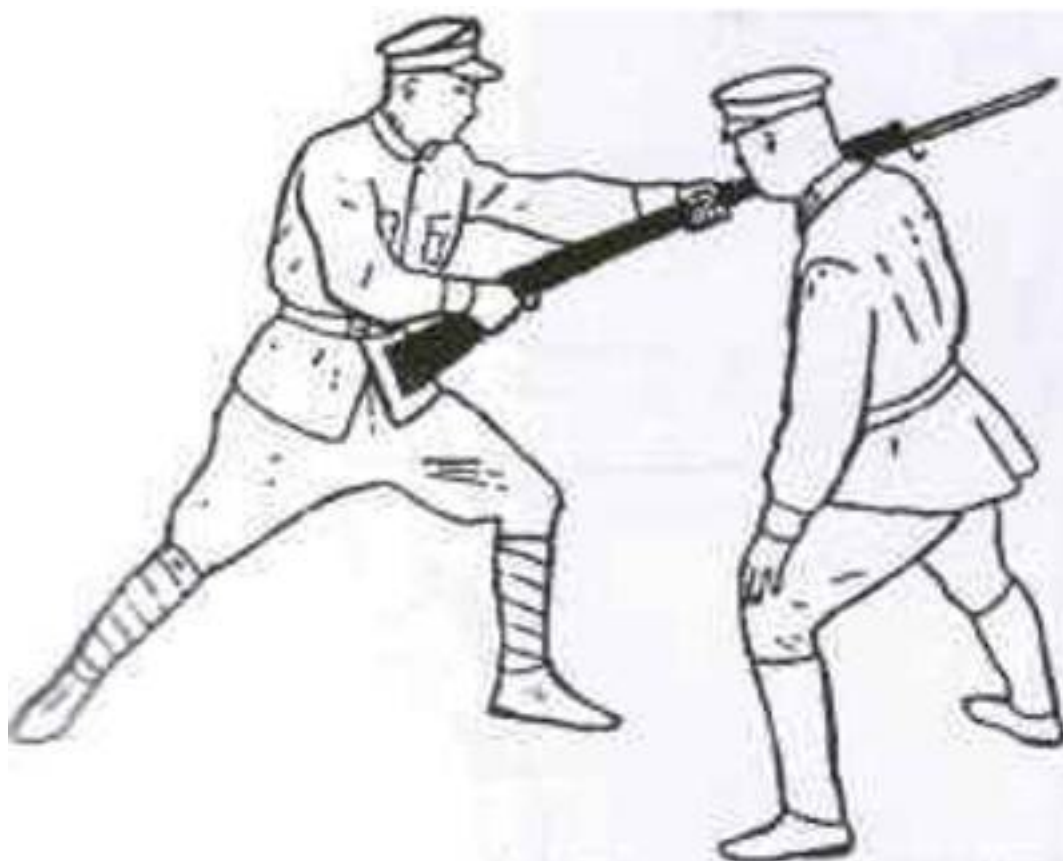
Противодействия удару штыком и лопатой даны по Ощепкову, за исключением одного случая. Кроме способов удержания, связывания и конвоирования, в главе «Приемы специального назначения» можно было увидеть принципиально новый в нашей практике раздел о технике и тактике работы ножом. Дело в том, что в те годы особая категория сотрудников НКВД, в частности, несшая охрану членов политбюро и лично Сталина, имела на вооружении не только пистолеты, но и финские ножи.

В книге приведены детальные методические разработки, рассчитанные на различные сроки обучения. Как и оба его учителя, автор придавал огромное значение спортивно-состязательным схваткам на ковре, без которых курсанты не могли получить полноценных боевых навыков. Именно этому посвящена глава «Свободная тренировка», которая увенчивала постепенное «фазисное» овладение техникой и тактикой, начиная с изучения простеньких переходов от неудачного приема к удачному с пассивным партнером и кончая «вольной схваткой» или «вольным боем», где курсанты работали на ковре уже на полную мощность, исключив удары и особо опасные приемы. В сущности, это были спортивные состязания по самбо, которое сегодня мы называем боевым, и которое тогда только таковым и являлось.

Для наиболее эффективного овладения технико-тактическими возможностями самбо Волков в рамках «свободной тренировки» разработал двадцать три «тренировочных комбинации рукопашного боя» в стойке на различных дистанциях и в партере. Под «комбинациями» он понимал «ряд приемов, последовательно чередующихся между собой... Чтобы переход с приема на прием был четким и быстрым и, по возможности, неожиданным для противника».

Прием против удара длинной саперной лопатой

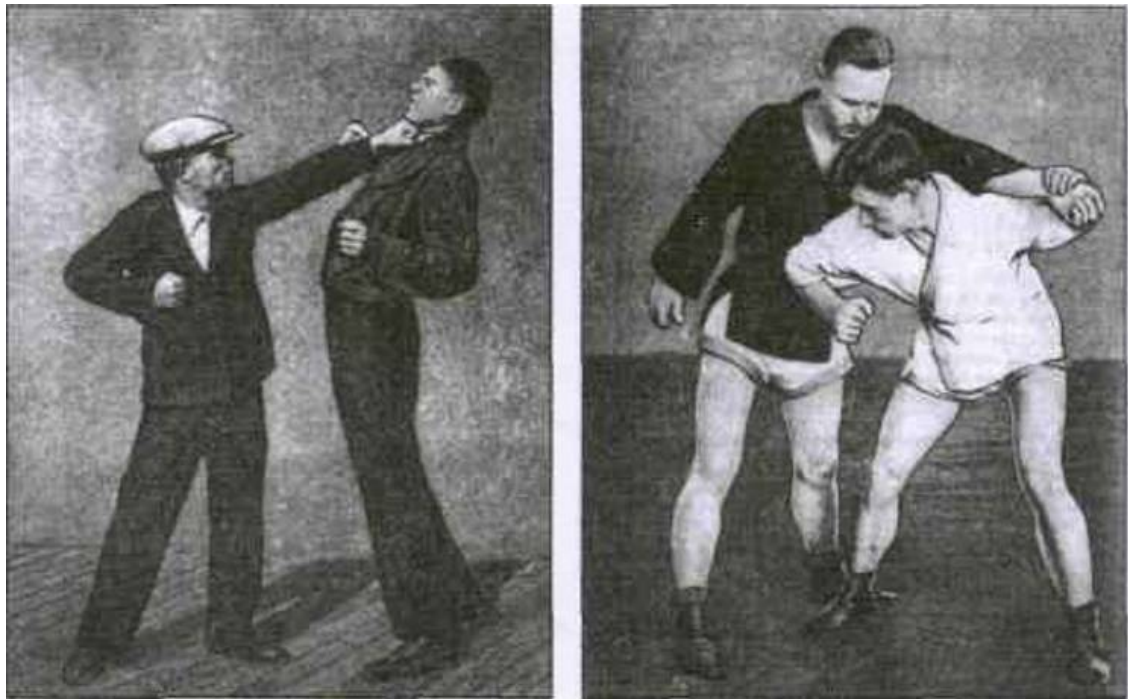

Основной прием против укола штыком в живот.

Овладев «тренировочными комбинациями», обучающиеся должны были получить навык самостоятельного «составления» комбинаций, то есть свободно строить «связки» приемов, пользоваться обманными действиями и легко переходить с неудавшегося приема на успешный. И самым последним из выпускных экзаменов для курсантов школ НКВД должна была стать именно «вольная схватка», «вольный бой» по специально разработанным Волковым правилам. Именно это позволяло оценивать навыки, полученные курсантами.

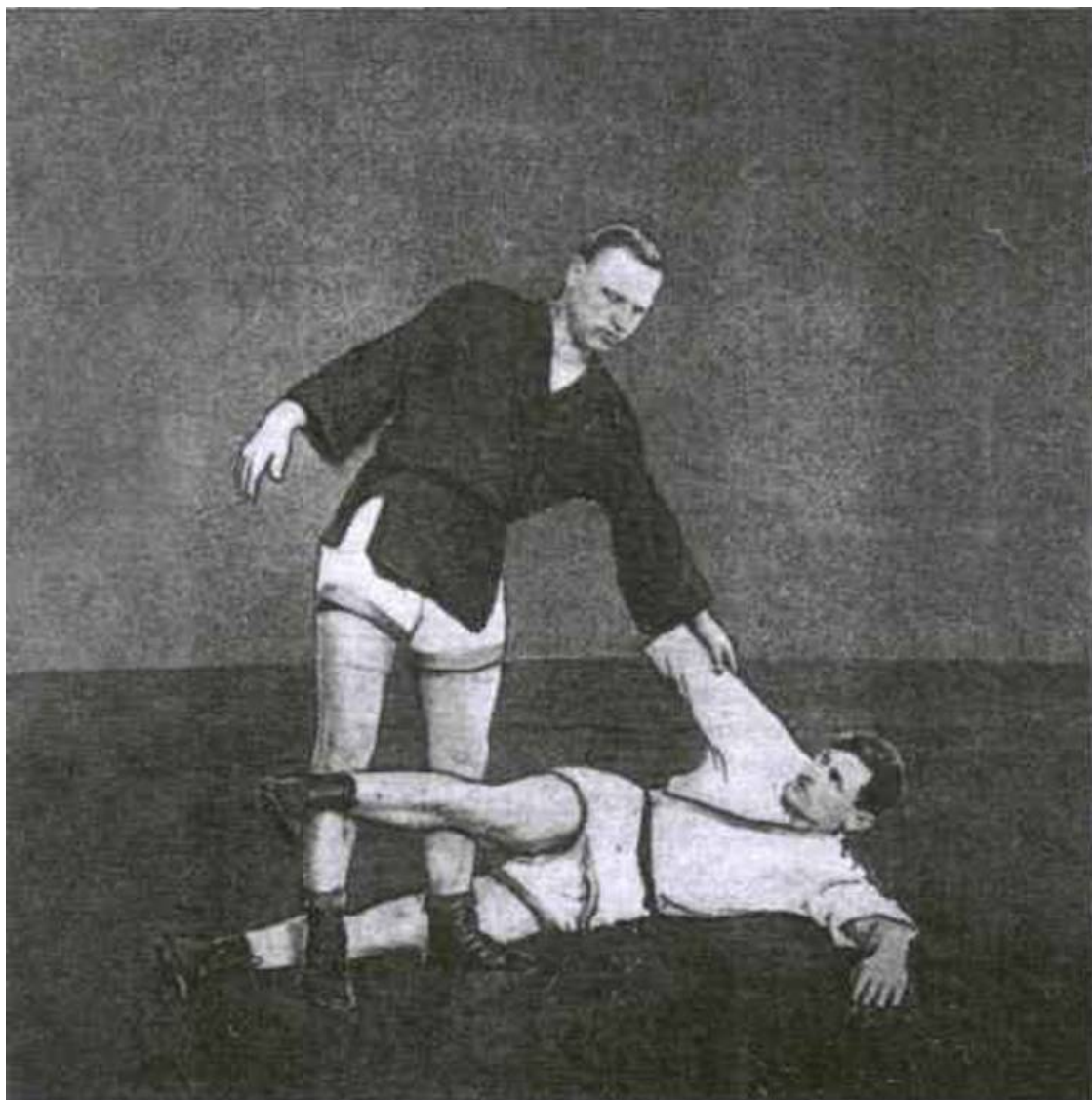
Книга Виктора Павловича, безусловно, носила эклектичный характер, но это вовсе не значит, что он просто-напросто механически списал все у своих учителей. Назвав Спиридонова «основоположником советской системы «САМБО»», Волков тут же добавляет: «На протяжении ряда лет эту систему совершенствовали, ввели дополнительные группы приемов и разработали целый ряд методов для тренировки». Безличная скромная форма этой фразы определялась тем, что среди «совершенствовавших» одно из первых, если не самое первое место, занимал написавший ее. И его собственные разработки, бесспорно, имели существенное значение.

С чисто человеческой позиции нельзя устраниваться от трагедии стареющего Виктора Афанасьевича, которого лишили возможности обнародовать свои последние наработки, но объективно публикация его ученика, при всех неизбежных недостатках, была более полезным и прогрессивным делом. Не стоит также забывать, что, если бы Волков не включил в свое учебное пособие материалы Ощепкова, для большинства они так и остались бы неизвестными.

Прямой удар в подбородок и удар локтем в живот и область сердца

Таким образом, система Спиридонова в ее чистом виде в начале сороковых годов прекратила свое существование. Но я не стал бы утверждать, что она умерла: ее семена давали новые побеги. Трудом ученика она как бы переплавилась, превратившись в единый добротный сплав с разработками своего бывшего непримиримого оппонента и приобретя новые не только количественные, но и чисто качественные положительные изменения. Волков чисто символически как бы примирил своей работой двух своих враждовавших учителей. Хотя такое примирение и имело откровенно драматический характер. Система Волкова, а это была именно система, хотя и эклектичная в своей основе, стала новым этапом в поступательном развитии самбо.

«Ножницы»

Глава 2 «НПРБ-38»

Военные уставы, наставления, руководства создаются трудом целого коллектива авторов. Но почему-то во всем мире издавна и прочно установилась традиция не называть их фамилий. И работы эти так и остаются анонимными. К счастью, в нашем случае автор не только известен, но и, так сказать, официально задокументирован:

СССР – Народный комиссариат обороны Союза ССР.

Инспекция физической подготовки и спорта РККА.

Москва-19, ул. Фрунзе, 16.

4 сентября 1938 г. N 23/0409.

Справка

Тов. Галковским Н.М. в 1937 г. Был представлен в Инспекцию физподготовки и спорта РККА разработанный им труд, излагающий методику обучения приемам рукопашного боя невооруженного с вооруженным и технику выполнения этих приемов. Все приемы были очень подробно описаны и проиллюстрированы фотоснимками. Однако ввиду значительной многословности (неприемлемой для официальных руководств РККА) как при описании методики, так и техники выполнения приемов, труд тов. Галковского Н.М. был подвержен в Инспекции специальному редактированию и сокращению по объему. После чего он был помещен отдельным разделом в «Наставление по подготовке к рукопашному бою РККА» (НПРБ-38), которое в настоящее время уже вышло из печати и разослано в части РККА.

Помощник инспектора физической подготовки и спорта РККА Г. Калачев

Н.М. Галковский

Это была первая, но не последняя из работ одного из воспитанников жестоко и бессмысленно замученного в НКВД В.С. Ощепкова. Трагическая гибель этого мастера, разумеется, не могла не отразиться на развитии рукопашного боя и борьбы в одежде. Тем не менее, дело его продолжилось трудами учеников.

Приказом N 633 от 16 ноября 1938 года Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Народных Комиссаров СССР предложил шире культивировать на местах прикладной, «оборонный» вид спорта «борьбу вольного стиля», как теперь стали именовать спортивное детище «врага народа». Но исполнение этого приказа было крайне затруднено из-за полного отсутствия учебных пособий. Вот здесь и развернулась активная деятельность учеников покойного мастера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.